

ГОСПОДАРСЬКЕ ПРАВО ТА ПРОЦЕС

В. В. Ярков*

АРБИТРАЖНЫЙ СУД И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ: НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. Введение. Рассмотрение дел в государственном арбитражном суде и международном коммерческом арбитраже может быть взаимосвязано по самым различным направлениям, а также на самых различных стадиях развития арбитражного разбирательства. Возьмем для анализа только несколько аспектов такого взаимодействия: преюдициальное значение арбитражных решений в отношении фактов, которые являются предметом доказывания в государственном суде; возможность соединения нескольких исковых требований в государственном суде и компетенция арбитража; уступка требования после вынесения арбитражного решения.

2. Преюдициальная связь решений государственных судов и международных коммерческих арбитражей. Вопрос о преюдициальном значении арбитражного решения для рассмотрения дела в государственном суде, и, наоборот, решения государственного суда для арбитражного разбирательства обсуждается уже достаточно давно. Прежде всего, отметим его теоретические предпосылки, которые коренятся в классической доктрине гражданского процессуального права. Преюдициальность является одним из свойств вступившего в законную силу судебного решения. При всем большом разнообразии взглядов в доктрине преобладающим и во многом соответствующим правовому регулированию является подход, согласно которому вступившее в законную силу судебное решение приобретает основное единое качество (свойство) — обязательность, которое проявляется вовсе в других его свойствах более узкой направленности — неопровержимости, исполнимости, исключительности¹ и преюдициальности².

© Ярков В. В., 2007

* заведующий кафедрой гражданского процесса Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор

¹ Свойство исключительности присуще арбитражным решениям в силу правил п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК. То же самое можно сказать и о свойстве исполнимости арбитражных решений, которые были признаны и приведены в исполнение государственным судом.

² См.: Семенов В. М. Теоретические проблемы судебного решения // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. К. И. Комиссаров. — Свердловск, 1978. — С. 143.

Понятие преюдиции заключается в освобождении от доказывания фактов, установленным вступившим в законную силу решением или приговором суда, поскольку они не подлежат повторному доказыванию³. Поэтому, согласно ст. 69 АПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Преюдициальность, как известно, имеет свои объективные и субъективные пределы. Объективные пределы преюдиции определяют круг обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу, а субъективные пределы распространяются на одних и тех же лиц, участвующих в деле, или их правопреемников в первоначальном и последующем процессах. При этом преюдициальность означает не только отсутствие необходимости доказать установленные ранее обстоятельства, но и запрещает их опровержение. Такое положение существует до тех пор, пока судебный акт, в котором установлены эти факты, не будет отменен в порядке, установленном в законе⁴.

Насколько правомерно утверждать о том, что арбитражному решению также присуще свойство преюдициальности, исходя из того, что оно является обязательным? Так, свойство обязательности арбитражного решения прямо выделяется в ст. III Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, в п. 1 ст. 35 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже».

Здесь важно подчеркнуть, что в отличие от решения государственного суда, приобретающего обязательность в силу его властного характера как акта органа судебной власти, свойство обязательности решения арбитража приобретает в силу договора сторон. Поэтому обязательности решения арбитража и связанная с ним добровольность исполнения арбитражного решения заключаются в необходимости исполнения сторонами решения арбитража. Стороны, договариваясь об арбитраже, исходят из правил арбитражного разбирательства, не предусматривающих существование инстанций по пересмотру решений, аналогичных действующим в государственном судопроизводстве. В основном условия арбитражных соглашений, типовых арбитражных оговорок, регламенты многих арбитражей прямо говорят об окончательности решения арбитража (*res judicata*). Возможности его пересмотра связаны с особыми процедурами, которые установлены национальными и международно-правовыми актами. При этом в отличие от обязательности судебных акты государственных судов решения арбитражей не являются обязательными для неограниченного круга лиц⁵.

Мнения специалистов в доктрине по поводу наличия свойства преюдициальности у решений арбитражей разделились. Например, Ю. К. Осипов писал, что суд не вправе игнорировать выводы других органов, имея ввиду решения третейских судов и арбитражей, если только не наделен законом правом

³ См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. 3-е издание. — М.: Городец, 2004. — С. 27; Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. — М.: Норма, 2000. — С. 138; Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук — Екатеринбург, 2005.

⁴ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. В. Яркова. — М.: WoltersKluwer, 2004. — С. 190 (автор главы — И. В. Решетникова).

⁵ Арбитражный процесс: Учебник. 2-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: WoltersKluwer, 2003. — С. 733 (Автор главы — Е. А. Виноградова).

контроля за их законностью и обоснованностью⁶. Такую же позицию высказали А. Е. Березий и В. А. Мусин, писавшие, что решению третейского суда, за исключением случаев, указанных в п. 3 ст. 85 АПК 1995 г., присуще свойство обязательности, поэтому решение третейского суда обладает преюдициальным характером для арбитражного суда при рассмотрении им другого дела с участием тех же лиц и в связи с тем же материальным правоотношением (применительно к ч. 3 ст. 58 АПК 1995 г.)⁷.

Во многом к аналогичным выводам на примере практики МКАС пришел М. Г. Розенберг. В частности, он писал, что решения МКАС также имеют свойство преюдициальности в силу ограничений пределов вмешательства государственных судов в компетенцию арбитражей. В том числе преюдициальное значение имеют выводы МКАС при рассмотрении регрессных исков в государственном арбитражном суде с участием тех же самых лиц, несмотря на отсутствие соответствующего указания в ст. 58 АПК 1995 г.⁸

Другая точка зрения была высказана рядом других специалистов. Например, С. Н. Лебедев, ссылаясь на специалиста из Бельгии А. Бернара, писал, что арбитражное решение, пока оно не экзекватурировано, рассматривается как частный акт, за ним признается значение не бесспорного доказательства, а опровержимой презумпции⁹. Близкую точку зрения высказал В. М. Шерстюк, писавший, что преюдициальное значение обстоятельств, установленных вступившим в законную силу решением третейского суда — это вопрос только для обсуждения. Решение третейского суда может быть использовано арбитражным судом только как письменное доказательство, достоверность которого должна быть проверена как и других доказательств¹⁰. Аналогичного подхода придерживается Е. А. Виноградова, отмечая, что решениям третейского суда преюдициальное значение не придается¹¹.

Некоторые специалисты полагают, что в данном случае имеет место законодательный пробел, который должен быть устранен в пользу прямого закрепления свойства преюдиции за актами коммерческих арбитражей и третейских судов¹².

Обобщая изложенное, можно отметить следующее. Не отрицая наличия свойства обязательности арбитражных решений, отметим специфические правовые характеристики акта арбитража, вытекающие из самой договорной природы международного коммерческого арбитража. Поскольку арбитражное соглашение обязательно для сторон, то, соответственно, и вынесенное арбитражное решение также обязательно для лиц, которые заключали и участвовали в арбитражном

⁶ Гражданский процесс / Под редакцией Ю. К. Осипова. — М.: Бек, 1995. — С. 165 (Автор главы — профессор Ю. К. Осипов). То же самое см.: Гражданский процесс. 3-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: Бек, 1999. — С. 183 (Автор главы — Ю. К. Осипов).

⁷ См.: Мусин В. А., Березий А. Е. О преюдиции судебных актов // ВВАС. — 2001. — № 6. — С. 68.

⁸ См.: Розенберг М. Г. Практика Международного коммерческого арбитражного суда: Научно-практический комментарий. — М., 1997. — С. 229-231.

⁹ См.: Лебедев С. Н. Международный торговый арбитраж. — М.: Международные отношения, 1965. — С. 22.

¹⁰ См.: Шерстюк В. М. Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам арбитражного процессуального права. — М., 2000. — С. 32, 33.

¹¹ Арбитражный процесс: Учебник. 2-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: WoltersKluwer, 2003. — С. 734 (Автор главы — Е. А. Виноградова).

¹² См.: Курочкин С. А. О правовой природе и свойствах решения третейского суда // Третейский суд. — 2003. — № 4. — С. 83, 84; Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. — М.: WoltersKluwer, 2007. — С. 219, 220; Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. Проблемы. Тенденции. Перспективы. — М.: WoltersKluwer, 2005. — С. 493, 494.

разбирательстве. В это аспекте решение арбитража или третейского суда обладает таким свойством законной силы как обязательность.

Что касается преюдициальности арбитражных решений, то, скорее всего, можно говорить о данном свойстве только в отношении тех решений, которые были признаны и приведены в исполнение государственными судами. В этом плане преюдициальное значение имеет не само по себе арбитражное решение, а те факты, которые отражены в судебном акте государственного арбитражного суда, которым было санкционировано исполнение решения международного коммерческого арбитража. Будучи отраженными в определении государственного арбитражного суда о приведении в исполнение арбитражного решения, факты, установленные в данном решении, становятся преюдициальными через судебный акт государственного суда, а не сами непосредственно.

Отдельные специалисты, которые полагают, что в данном случае в отношении преюдиции арбитражных решений имеет место законодательный пробел, также признают данное обстоятельство. Так, О. Ю. Скворцов, хотя и пишет о неурегулированности данного вопроса, тем не менее отмечает, что преюдициальный эффект решения третейского суда для дела о банкротстве обеспечивается признанием такого решения третейского суда компетентным государственным судом через процедуру выдачи согласия на его принудительное исполнение¹³.

Поэтому в отношении решений арбитражей, которые получили подтверждение путем выдачи исполнительного листа, можно говорить о свойстве преюдициальности через законную силу соответствующего судебного акта государственного суда¹⁴. В отношении решений, которые не проходили процедуру признания и приведения в исполнение, возможны самые разные варианты. Во-первых, решение арбитража может быть оспорено в порядке § 1 гл. 30 АПК и гл. 46 ГПК и оставлено в силе компетентным государственным судом. Во всех указанных случаях можно найти доводы в пользу той точки зрения, что такие решения имеют качества как обязательности, так и преюдициальности, поскольку определенные факты зафиксированы в определении государственного суда об отказе в отмене арбитражного решения.

Во-вторых, арбитражное решение может быть исполнено добровольно должником. В таких случаях, когда арбитражное решение не было оспорено в государственном суде и не признавалось и не приводилось в исполнение, вряд ли можно говорить о какой-либо его преюдиции, поскольку в силу ст. 69 АПК преюдициальную силу имеют только судебные акты государственных арбитражных судов. Это одинаково относится как к решениям международного коммерческого арбитража, вынесенным как в России, так и за рубежом. В этом плане подобное арбитражное решение, которое не было признано или приведено в исполнение в России, вряд ли правомерно рассматривать и в качестве письменного доказательства¹⁵. На наш взгляд, можно сделать и еще более категоричный вывод — если сторона в государственном арбитражном суде России ссылается на непризнанное в России решение международного коммерческого арбитража, вынесенное за рубежом, то оно не может рассматриваться и как

¹³ Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. Проблемы. Тенденции. Перспективы. — М.: WoltersKluwer, 2005. — С. 500.

¹⁴ См. пример: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 2327/02 от 18.06.2002 г. // ВВАС. — 2002. — № 9. — С. 72.

¹⁵ Так полагает Е. А. Виноградова. См.: Арбитражный процесс: Учебник. 2-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: WoltersKluwer, 2003. — С. 734.

письменное доказательство. Это связано с тем, что арбитражное решение является результатом исследования других доказательств, которые представлялись и исследовались международным коммерческим арбитражем, в частности, объяснений сторон, письменных доказательств, свидетельских показаний и других допустимых средств доказывания. Однако государственный суд в силу правил доказывания должен сам непосредственно убедиться, а стороны доказать существование соответствующих фактов с помощью средств доказывания, указанных в ГПК и АПК. Поэтому в силу правил доказывания в государственный суд должны быть, к примеру, представлены и будут иметь доказательственное значение сами письменные доказательства, а не их изложение в тексте арбитражного решения. То же самое касается и других доказательств. При этом в судебное разбирательство в арбитражный суд могут представляться только те доказательства, из числа исследованных в международном коммерческом арбитраже, которые отвечают также требованиям относимости содержащихся в них фактов с предметом доказывания в государственном суде.

Возникает и вопрос обратного свойства — имеется ли обязательность решений государственных судов, включая преюдицию, для процесса в международном коммерческом арбитраже. Возьмем только один аспект — обязательность решений иностранного суда о признании сделки недействительной, в то время как арбитраж в России рассматривает дело об исполнении обязательства из указанной сделки при условии совпадения сторон в арбитражном разбирательстве.

На наш взгляд, здесь ситуации и подходы схожи — непризнанное иностранное решение государственного суда не имеет и не может иметь какой-либо юридической силы на территории Российской Федерации, как для государственных судов, для организаций и граждан, так и для арбитража, имеющего место на территории России. Преюдициальное значение могут иметь только те обстоятельства, которые были установлены судебным актом, имеющим юридическую силу на территории соответствующего государства, в данном случае — России. Решение иностранного суда, не будучи признанным на территории России, вряд ли может иметь обязательное, а также преюдициальное значение для российских судов, граждан и организаций, включая международный коммерческий арбитраж.

В случае решения вопроса об обязательности решения иностранного суда, признанного в России, для разбирательства в международном коммерческом арбитраже, проходящем также на территории России, очевидно, следует оценивать всю совокупность юридико-фактических обстоятельств, включая объективные и субъективные пределы законной силы такого судебного акта.

3. Возможность соединения нескольких исковых требований в государственном суде и компетенция арбитража. Другой значимый вопрос — соединение в иске, поданном в государственный суд, нескольких требований истца к ответчику, одно из которых охвачено арбитражной оговоркой. Данный вопрос рассматривался в аспекте соединения нескольких требований в арбитраже,¹⁶ однако он не менее значим и для судопроизводства в государственном суде. Если ответчик заявляет о наличии арбитражного соглашения по одному из требований, заявленных в государственный суд, какой вариант решения данного вопроса более предпочтителен? Сохраняется ли в подобном случае компетенция арбитража?

На наш взгляд, можно исходить из правил соединения и разъединения исковых требований ст. 130 АПК одновременно с положениями ст. 148 АПК.

¹⁶ См.: Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж. — СПб., 2001. — С. 198-200.

При этом ч. 3 ст. 130 АПК позволяет выделить одно или несколько соединенных требований в отдельное производство, если признает целесообразным их раздельное рассмотрение. В таком случае, помимо целесообразности, отражающей возможность самостоятельного рассмотрения отдельного требования, также важно учитывать факт заявления ответчика о соглашении сторон о рассмотрении данного требования в арбитраже с учетом всех обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 148 АПК. Поэтому в случае делимости одного из требований, охваченных арбитражным соглашением, от других, заявленных в государственный суд, при наличии заявления ответчика, сделанного по правилам ст. 148 АПК, арбитражный суд вправе оставить такое требование без рассмотрения. В отношении требований к ответчикам, которые не охвачены арбитражным соглашением, возможны несколько вариантов. Во-первых, арбитражный суд вправе продолжить рассмотрение дела в части других требований. Во-вторых, приостановить на этот период рассмотрение дела до разрешения дела арбитражем. Однако для этого необходимо внесение изменений в ст. ст. 143, 144 АПК, поскольку они предусматривают приостановление производства по делу только в случае наличия связанного с основным делом процесса в государственном российском или иностранном суде, либо международном суде.

Отметим, что судебная практика по данной ситуации имела место в США¹⁷. В деле *CosmoteK Mumessillik ve Ticaret Limited Sirkketi (Turkey) v. CosmoteK USA, Inc.*¹⁸ турецкая компания предъявила иск одновременно к американской компании — дистрибьютеру товара, договор с которой был охвачен арбитражным соглашением, и другой американской компании — производителю товара, с которой истец не был связан арбитражным соглашением. Окружной суд США оставил иск без рассмотрения в части требования к компании, охваченного арбитражным соглашением, признав компетенцию арбитража на рассмотрение данного дела, и отложил рассмотрение дела в отношении компании — производителя товара — до разрешения дела арбитражем. При этом рассмотрение дела было отложено с условием информирования суда о ходе рассмотрения дела в арбитраже, с тем, чтобы права истца не были нарушены недобросовестным затягиванием рассмотрения дела в арбитраже. В случае такого затягивания суд отметил, что вопрос об отложении может быть пересмотрен по ходатайству истца.

4. Уступка требования после вынесения арбитражного решения. Последний вопрос — допустима ли уступка прав требования по арбитражному решению до обращения в компетентный арбитражный суд с заявлением о признании и его приведении в исполнение? Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать место норм о правопреемстве в системе арбитражного процессуального законодательства с точки зрения соотношения общих правил и специальных институтов арбитражного процессуального права, а также соотношения правопреемства в материальном гражданском и арбитражном процессуальном праве.

Уступка требования в рамках процессуальных отношений представляет собой переход прав одного лица к другому лицу по основаниям, предусмотренным материальным правом. Основания для процессуального правопреемства указаны

¹⁷ Автор выражает благодарность магистру права (Манчестер), аспиранту кафедры гражданского процесса УрГЮА А. Г. Котельникову за помощь при поиске и понимании данного дела из судебной практики Окружного суда США.

¹⁸ United States District Court, District of Connecticut, 1996. 942 F. Supp. 757 // *Varady T., Barcelo J.J. III, von Mehren A.T. International Commercial Arbitration. A Transnational Perspective.* West Group. — St. Paul, Minn., 1999. — P. 196-205.

в ст. 48 АПК, согласно которым в случае выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением арбитражного суда правоотношении вследствие реорганизации юридического лица, уступки требования, перевода долга, смерти гражданина и в других случаях перемены лиц в обязательствах арбитражный суд производит замену этой стороны ее правопреемником, указывая об этом в судебном акте.

Правопреемство основано на юридических фактах гражданского права и отражает взаимосвязь материального и арбитражного процессуального права. В каждом конкретном случае для решения вопросов возможности правопреемства арбитражному суду и лицам, участвующим в деле, необходимо анализировать соответствующие фактические обстоятельства, предусмотренные гражданским законодательством, в частности, при уступке требования, нормы главы 24 ГК. Таким образом, правопреемство в арбитражном процессе основывается на правопреемстве в гражданском праве. Правопреемство согласно ч. 1 ст. 48 АПК возможно на любой стадии арбитражного процесса как в суде первой инстанции, так и в апелляционном, кассационном, надзорном производстве, а также в исполнительном производстве.

Таким образом, важно подчеркнуть обусловленность правопреемства в процессуальном праве правопреемством в материальном праве, поскольку первое возникает на основе обстоятельств материально-правового характера, помогая и способствуя осуществлению и защите материальных прав.

При этом следует отметить, что нормы о правопреемстве (ст. 48 АПК) помещены в общую часть АПК «Раздел I «Общие положения», который содержит в себе правила, применяемые во всех стадиях арбитражного процесса и его отдельных производствах особенной части, за исключениями, указанными в соответствующих главах АПК его особенной части. Поэтому не случайно, что правила главы 31 АПК о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений помещены в раздел IV АПК «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел». Это свидетельствует о том, что здесь применимы правила об общих положениях АПК, вынесенные в Раздел I АПК.

Проанализируем возможные ситуации с правопреемством на различных этапах развития международного коммерческого арбитража, поскольку вопрос о правопреемстве может возникнуть, во-первых, по конкретному делу на стадии арбитражного разбирательства, во-вторых, в период между вынесением арбитражного решения и вынесением определения государственного арбитражного суда в соответствии со ст. 245 АПК, и, в-третьих, в случае удовлетворения заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения на стадии исполнительного производства в процессе его принудительного исполнения должностными лицами Федеральной службы судебных приставов.

В первом случае, на стадии арбитражного разбирательства вопрос о правопреемстве в договоре, охваченном арбитражным соглашением, решается положительно, поскольку к новой стороне в обязательстве переходят не только материальные права и обязанности, но и условие об избрании определенного арбитража для разрешения споров по данному договору в соответствии с условиями арбитражной оговорки. По данному вопросу высказаны различные подходы, хотя большинство специалистов обосновывает правомерность такой практики¹⁹.

¹⁹ См. напр.: Мусин В. А. Арбитражная оговорка во внешнеторговом контракте и проблема правопреемства // Третейский суд. — 2000. — № 4. — С. 29-40; Арбитражный процесс: Учебник. 2-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: Волтерсклувер, 2003. — С. 683, 684 (Автор главы — Е. А. Виноградова); Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. — М. Волтерсклувер, 2005. — С. 305-319.

В этом плане заслуживают внимания выводы, которые содержатся в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда России от 17 июня 1997 г. № 1533/97²⁰. В договоре о предоставлении ссуды стороны предусмотрели, что все возникшие из него споры и разногласия будут разрешаться путем переговоров, а в случае, если спорные вопросы не будут урегулированы мирным путем, — в Арбитражном институте при Торговой палате города Стокгольма в соответствии с регламентом этого арбитражного института. Предъявляя иск в Арбитражный суд Волгоградской области, цессионарий считал, что арбитражная оговорка как соглашение сторон является самостоятельным, не зависящим от основного договора условием и имеет не материально-правовой, а процессуальный характер, поэтому не могла быть передана ему по договору цессии.

Согласно ст. 384 ГК право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором. Анализ указанной нормы и заключенного между сторонами договора цессии, которым предусмотрена также уступка права на предъявление исков, позволяет сделать следующие выводы. Предъявление иска в защиту нарушенных прав представляет собой одну из составных частей содержания права требования, перешедшего к новому кредитору. Сохранение ранее установленного сторонами порядка разрешения споров не ущемляет прав цессионария и позволяет обеспечить надлежащую защиту интересов должника.

Учитывая это, обе инстанции арбитражного суда сделали обоснованный вывод о том, что к упоминаемым в ст. 384 ГК условиям, на которых права первоначального кредитора переходят к новому кредитору, может быть отнесено также условие об избрании определенного арбитража для разрешения возможных споров между участниками договора. Исходя из этого следует признать, что судом правомерно применен п. 2 ст. 87 АПК 1995 г., согласно которому иск оставляется без рассмотрения при соблюдении указанных в этой норме требований.

В третьем случае — на стадии исполнительного производства возможность правопреемства на стороне взыскателя, основанная на уступке требования, также носит бесспорный характер, поскольку вытекает из ст. 48 АПК²¹ и ст. 32 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и подтверждалась судебной практикой²².

Во втором случае, применительно к рассматриваемой ситуации, в период между вынесением арбитражного решения и вынесением определения государственного арбитражного суда в соответствии со ст. 245 АПК, уступка требования и правопреемство на стороне взыскателя также допустимы, поскольку возможность и правомерность данного действия вытекает как из гл. 24 ГК, так и ст. 48 АПК.

Прежде всего, нормы ст. 48 АПК, как уже указывалось, относятся к общей части АПК и соответственно применяются во всех видах производств, в связи с чем исключается их текстуальное дублирование в главах особенной части АПК. Поэтому, хотя ч. 1 ст. 242 АПК предусматривает, что заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения подается стороной

²⁰ ВВАС. — 1997. — № 9. — С. 66, 67. Данное дело также включено в п. 15 Обзора судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц (Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 16.02.1998).

²¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Ф. Яковлева и М. К. Юкова. — М.: Городец, 2003. — С. 157.

²² См. напр.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда России от 01.06.2004 г. № 14778/03.

в споре, в пользу которой состоялось решение, это не означает невозможность замены этой стороны после вынесения решения международного коммерческого арбитража. Арбитражный суд, принимая заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, поданное в порядке главы 31 АПК, вправе разрешить и вопрос о правопреемстве в порядке ст. 48 АПК, поскольку данная статья применяется здесь как носящая общий характер и относящаяся ко всем категориям дел, подведомственным арбитражным судам.

Кроме того, возможность уступки требования вытекает из правил гл. 24 ГК, поскольку процессуальное правопреемство возникает на основе правопреемства в материальном праве и обусловлено им. Вряд ли правильно такое толкование данного вопроса, которое не будет допускать правопреемства по арбитражному решению после его вынесения, поскольку цель правопреемства в арбитражном процессе, в том числе и в рамках дел гл. 31 АПК — обеспечение процессуальных и юрисдикционных условий защиты материальных прав участников гражданского оборота.

Подобный подход, по некоторой аналогии, был применен в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда России от 29 ноября 2005 года № 8964/05. В рассмотренном деле произошла замена взыскателя после получения исполнительного листа, но до возбуждения исполнительного производства. В постановлении отмечено, что выводы судов о необходимости возбуждения исполнительного производства для проведения замены взыскателя по исполнительному листу являются ошибочными, противоречат закону и сложившейся судебной практике. Поскольку замена выбывшей стороны ее правопреемником в арбитражном процессе может иметь место лишь тогда, когда правопреемство произошло в материальном гражданском правоотношении, а договор цессии от 25 октября 2004 года не исследован и не оценен судами с учетом требований, установленных гл. 24 ГК, дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В данном случае акцент был сделан на материальные основания правопреемства, которые определяют процессуальный статус участников гражданского оборота в судебном разбирательстве, после его завершения и в разбирательстве дела в государственном арбитражном суде.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что арбитражное решение представляет собой подтвержденное собой материальное право кредитора, которое тот вправе уступить другому лицу с соблюдением правил уступки прав в соответствии с гл. 24 ГК. Вопрос о процессуальном подтверждении правопреемства в гражданском праве разрешается арбитражным судом по заявлению лица, обратившегося в соответствующий компетентный арбитражный суд в порядке гл. 31 АПК.

Соответственно, возникает отсюда вопрос — вправе ли заявить требование о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения лицо, не принимавшее участия в арбитражном разбирательстве?

При ответе на данный вопрос следует исходить из ранее определенных условий и возможности уступки требования по арбитражному решению как подтвержденного международным коммерческим арбитражем материального права истца другому лицу в соответствии с правилами ст. 48 АПК, которые относятся к общей части АПК и применяются во всех стадиях и видах производств АПК.

Согласно ч. 1 ст. 242 АПК заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения подается стороной в споре, в пользу которой состоялось решение (взыскателем). Однако это не лишает права сторону договора и арбитражного разбирательства уступить свои требования по

договору другому лицу как подтвержденное арбитражем материальное требование. Соответственно, новая сторона в материальном правоотношении на основе соглашения об уступке вправе одновременно подать как заявление в порядке ст. 242 АПК, так и заявить ходатайство о правопреемстве в соответствии со ст. 48 АПК. Иное толкование данного вопроса означало бы ограничение возможностей распоряжения своими материальными правами и процессуальными средствами их защиты, что противоречит принципу диспозитивности как основополагающему принципу арбитражного процессуального права²³.

Отметим также, что в части первой ст. IV Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений указано, что в компетентный суд для получения упомянутого в статье III признания и приведения в исполнение обращается «сторона, испрашивающая признание и приведение в исполнение». Здесь не указано в этом качестве только лицо, в чью пользу вынесено арбитражное решение, что допускает также возможность толкования в пользу того, что с таким заявлением может обратиться и правопреемник стороны арбитражного разбирательства. Кроме того, нет такого основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения в ст. V Конвенции ООН как правопреемство на одной из сторон арбитражного соглашения и (или) арбитражного решения.

В заключение отметим, что данная проблематика носит достаточно сложный и многоплановый характер, в силу многообразия самых различных связей судопроизводства в государственных судах и разбирательства дела в арбитражах, что определяет необходимость продолжения дискуссии по данным и другим вопросам.

²³ См. напр.: Арбитражный процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушникова. — М.: Городец, 2003. — С. 84-86; Арбитражный процесс: Учебник. 2-е издание / Под ред. В. В. Яркова. — М.: ВолтерсКлувер, 2003. — С. 65-67.